

ДИАРХИЧЕСКАЯ ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА
В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОРОДЕ
XII — НАЧАЛА XIII в.

XII ст. в истории Киевской Руси отмечено рядом существенных сдвигов в области социально-экономического развития, настолько значительных, что исследователи склонны говорить о начале принципиально нового этапа — так называемого периода феодальной раздробленности¹. В историографии распространено мнение, согласно которому Киевское государство вообще прекратило свое существование где-то в середине XII в., после чего Русь распалась на ряд удельных княжеств — «полугосударств», независимых от власти киевского князя; Киев потерял значение общерусского центра (хотя в сознании народа сохранял ореол былого величия) и переживал период экономического упадка; в противовес ему на северо-востоке Руси формируется новый центр — Владимир-на-Клязьме. В дореволюционной историографии даже пропагандировалась мысль о переносе столицы из Киева во Владимир, положенная в основу великодержавной концепции русского самодержавия. Данная тенденция имела множество нюансов и оттенков, но суть оставалась одна: утверждался фактический распад Киевского государства².

В начале 50-х годов против данной концепции решительно выступил В. И. Довженок³. Это выступление было поддержано рядом исследователей, в частности ошибочность распространенного мнения об упадке Киева и о потере им значения общерусского центра убедительно показана в работах П. П. Толочко⁴. Не подлежит сомнению, что и во второй половине XII — первой половине XIII в. Киевская Русь сохраняла свое государственное единство, а Киев продолжал удерживать значение общерусской столицы. Однако было бы не менее опасно вообще отрицать существенные перемены в политической обстановке на Руси и в частности в положении великого князя как общерусского суверена.

Так называемая феодальная раздробленность — закономерный этап в развитии феодальной формации, который пережили все страны средневековой Европы. Всюду она была ознаменована ослаблением центральной государственной власти, но нигде не привела к ликвидации сложившейся государственной структуры. Русь в этом отношении не была исключением. Власть киевского князя в XII — начале XIII в. действительно претерпела известный ущерб, а в ряде случаев приобретала эфемерный характер. Но было это отнюдь не следствием распада Киевского государства на самостоятельные «полугосударства»⁵. Аналогичные процессы пронизали всю систему феодальной иерархии; они активно действовали и в удельных центрах; власть местных князей сплошь и рядом оказывалась столь же иллюзорной, как и власть великого князя. И тем более нет никаких оснований утверждать экономический и политический упадок Киева; напротив, роль общерусской столицы и в хозяйственной и в государственной сфере возрастала и укреплялась, свидетельством этого является постоянная и упорная борьба за киевский престол. Само собой разумеется, что представители крупнейших удельных династий (перемышлянской, волынской, черниговской, смоленской) не стали бы столь отчаянно состязаться за формальное «старшинство», если бы титул великого князя утратил реальное политическое значение.

Подлинной причиной ослабления власти киевского князя (как и удельных князей) было резкое усиление влияния древнерусской социальной элиты — боярства и городского патрициата, чем дальше, тем решительнее бравшей реальные бразды правления в свои руки⁶.

Экономическое усиление боярства в результате победы вотчинной (сеньориальной) системы землевладения и пат-

рицата в результате бурного развития ремесла, торговли и финансового капитала (ростовщичества) поставило городскую верхушку (как феодальную, так и раннебуржуазную) в положение ведущей социальной силы, создало серьезные основания для ее политических претензий.

Новгородский переворот 1136 г.⁷, утвердивший в городе республиканскую форму правления, низведший общественный статус князя на уровень наемного магистрата и передавший власть в руки городской олигархии, был наиболее полным и завершенным выражением тенденции, о которой идет речь. В Киеве ситуация была более сложной, в результате чего суть процесса оказывается завуалированной побочными и сопутствующими явлениями, хотя при внимательном изучении источников вскрывается достаточно убедительно. Городская олигархия — нобилитет а патрициат — и здесь чем дальше, тем решительнее склонна была рассматривать великого князя как выразителя и защитника собственных классовых и сословных интересов, как послушного исполнителя своей воли и своей программы.

Еще в конце XI в. старшее киевское боярство, возглавляемое Яном Вышатичем, выработало концепцию, согласно которой великий князь обязан все свои решения и меры согласовывать с боярской элитой («старыми и смысленными» мужами). Эта концепция, в частности, отразилась в Начальном летописном своде 1093 г., составленном печерским игуменом Иваном¹⁰. Тогда она встретила возражения со стороны Владимира Мономаха, сторонника сильной великокняжеской власти, стремившегося не только реально удерживать Русь от политической деструкции и децентрализации, но и теоретически обосновать свою платформу.

К середине XII в. ситуация изменилась. Реальный вес боярства и патрициата возрос настолько, что воля городской олигархии приобрела значение едва ли не решающего фактора в ходе междоусобной борьбы, представлявшей собой наиболее печальную (и наиболее опасную) тенденцию эпохи. Термин

«кыяне», все чаще и чаще появляющийся на страницах летописей, посвяжденных перипетиям великокняжеской чехарды, стал своеобразным евфемизмом, покрывающим боярско-патрицианскую элиту. Эти «кыяне» запросто возводят на киевский престол угодных им претендентов и так же легко отстраняют их от власти".

К сожалению, в литературе внутренняя механика этого явления остается не вскрытой и не осознанной в полной мере. Взвешивая реальные шансы того или иного претендента на великокняжеский титул, обычно принимают в расчет два момента: во-первых, личные способности и авторитет претендента, а во-вторых, его военные потенции — наличие вооруженных сил, достаточных для достижения поставленной цели. Последние, как правило, обеспечивались методом коалиций и союзов, так как собственных удельных возможностей оказывалось слишком мало: главные уделы (Чернигов, Волынь, Смоленск, Галич, Суздаль) представляли собой примерно равные в военном отношении владения.

Бесспорно, и то, и другое имело важное значение и реально влияло на развитие событий, иногда определяя исход конкретных конфликтов. Все же решающую роль едва ли не во всех коллизиях играла позиция киевской общественной верхушки.

Киевская Русь в отличие от подавляющего большинства государств средневековой Европы никогда не принимала в полной мере идею единовластной монархии. Это отразилось, в частности, на проблеме престолонаследия, так и не решенной до самого Батыева нашествия, что усложняло общеполитическую ситуацию, создавая широкие перспективы для персональных конфликтов. Русь искала метод индивидуальной санкции каждого очередного кандидата на великокняжеский престол, но убедительного решения так и не нашла.

Вот тут и сказывалось определяющее слово боярства и патрициата. Именно их воля оказывалась тем решающим аргументом, который склонял чашу весов в пользу того-либо из реальных претендентов. Но тогда на повест-

ке дня возникала новая проблема — выработка согласованной линии, представлявшая сложную задачу, чреватую конфликтами на ином общественном уровне. Ибо, само собой разумеется, киевская олигархия не была монолитной и единой в своих устремлениях, ее раздирали внутренние противоречия как принципиального, так и личного характера. Столкновение интересов, целей, симпатий и антипатий, планов, прямых амбиций и т. д. представляло собой чрезвычайно важный фактор, явно недостаточно учитываемый (а сплошь и рядом вообще не учитываемый) исследователями.

Естественным выходом из положения была система организации, выработанная «киянами», без нее боярство и патрициат не могли бы рассчитывать на успех в политической сфере. Эта организация неизбежно принимала партийную форму, имевшую, как правило, бинарный характер. Это общее явление, характерное не только для средневековой Руси. В европейских городах феодальной эпохи партийная борьба принимала форму состязания двух наиболее влиятельных родов (Гвельфы и Гиббеллины в Италии и т. д.). На Руси эта форма наиболее четко засвидетельствована для Новгорода (борьба Мирошкиничей и Мышаничей)¹², но отчетливо проступает в других политических центрах, и прежде всего в Киеве.

Вступление очередного претендента на великокняжеский престол в высокой степени зависело от боярско-патрицианской олигархии. Это хорошо видно в событиях 1146 г., когда Всеволод Ольгович в предчувствии близкой кончины просит киевских бояр присягнуть его наследнику — Игорю Ольговичу и когда от воли киевской элиты, представленной такими лицами, как тысяцкий Улеб, Иван Войтишич, Лазарь Саковский, в конечном счете зависела судьба формально утвержденного наследника¹³. Именно они выступили инициаторами приглашения на киевский стол Изяслава Мстиславича, именно им младший Ольгович был обязан потерей великокняжеского титула, свободы и самой жизни.

Борьба между двумя основными группировками нобилей и патрициев сплошь и рядом приобретала крайне напряженный характер. Каждая партия имела свою креатуру — собственного кандидата на великокняжеский престол, которого и стремилась утвердить в данной роли. Взаимоотношения претендентов могли быть разными, но, вероятно, в любом случае базировались на определенной договорной основе. Ряд между очередным претендентом на высшую власть и киевской элитой становится главным модусом жизни политической жизни тех времен¹⁴.

В результате событий 1146—1147 гг., связанных с киевским восстанием, на великокняжеский престол был приглашен Изяслав Мстиславич¹⁵. Но точно таким же образом он был дважды отстранен от власти. «Ты наш князь коли си/ле/нь будеши, а мы с тобою, — говорили ему бояре в 1150 г., — а нынче не твое время, пожди прочь». Это значит: верх в городе взяла другая, оппозиционная партия, надо временно отступить, чтобы в будущем вновь померяться силами. Креатурой оппозиции был Юрий Долгорукий.

В этих событиях ясно проступает сложившаяся коллизия; позиция каждого очередного правителя находилась в прямой зависимости от реальных возможностей партии, на которую он опирался. Это хорошо иллюстрируется своеобразным ритмом междоусобной борьбы, который можно определить как «маятниковый». Нетрудно увидеть выразительно диархический характер данного состязания. Если исключить из списка великих князей второй половины XII — начала XIII в. случайных лиц (вроде Глеба Юрьевича, Владимира Мстиславича или Михалка Юрьевича), вынесенных на гребень политической волны специфическими обстоятельствами (проще говоря — чужой волей), то борьба за верховную власть в рамках точно определенных хронологических отрезков всегда шла между двумя претендентами, каждый из которых по нескольку раз добывал престол, прогоняя соперника из Киева, терял и вновь возвращал его. Таких периодов на протяжении второй половины XII в. было-

три. Первый охватывает время между 1146 и 1157 гг. Тогда за великокняжеский престол боролись Изяслав Мстиславич и Юрий Владимирович Долгорукий¹⁶. Вот хронологическая динамика этой борьбы:

- 1146—1149 — Изяслав Мстиславич
 - 1149—1150 — Юрий Владимирович
 - 1150 — Изяслав Мстиславич
 - 1150 — Юрий Владимирович
 - 1150—1154 — Изяслав Мстиславич
 - 1154—1158 — Юрий Владимирович
- Изяслав Мстиславич умер в 1154 г.¹⁷

Его место в роли партийного лидера занял Изяслав Давидович (из черниговской династии Ольговичей). В том же

1154 г. он предпринял неудачную попытку захватить опустевший престол, но сразу же был изгнан из Киева Юрием Долгоруким — главой оппозиции¹⁸.

Но изгнанник не сложил оружия и стал готовиться к новому туру состязания, когда из столицы пришло известие о неожиданной (скорее всего, насильственной) смерти опасного конкурента¹⁹.

Начался второй период, охватывающий 1157—1169 гг. Главными соперниками теперь выступают Изяслав Давидович Черниговский и Ростислав Мстиславич Смоленский, заменивший отравленного боярами Юрия Суздальского. Хронологическая динамика этого этапа выглядит так:

- 1157—1158 — Изяслав Давидович
- 1158—1161 — Ростислав Мстиславич
- 1161 — Изяслав Давидович
- 1162—1167 — Ростислав Мстиславич

Изяслав Давидович скончался в 1161 г., его место занял Мстислав Изяславич Волынский, сын Изяслава Мстиславича, бывшего лидером этой же партии в 1146—1154 гг. Формально он считался наиболее законным претендентом на великокняжеский престол, так как был старшим представителем старшей линии Мономаховичей (юридически принцип старшинства на Руси никогда не оспаривался, хотя само понятие «старшинства» варьировалось). А личные качества Мстислава²⁰, его энергия и решительность делали его наиболее вероятным победителем в междоусобной борьбе за великокняжеский титул. В 1158 и 1162 гг. он дважды уступал Киев Ростиславу, но в 1167 г.

действительно вступил на киевский престол²¹.

Это событие вызвало беспокойство наиболее влиятельных уделов, и прежде всего у Андрея Боголюбского, который в утверждении Мстислава видел серьезную угрозу своим политическим планам (создание на северо-востоке Руси второго великого княжения, независимого от Киева)²². Андрею удалось сколотить мощную коалицию против Мстислава, Киев был взят войсками союзников и подвергнут беспрецедентному погрому²³. На киевский престол был (безотносительно к воле местной общественной элиты) поставлен малоавторитетный князь Глеб Юрьевич, который через два года разделил печальную участь своего отца — был отравлен киевскими боярами²⁴.

Эти события при всей их драматичности не изменили политической ситуации в древнерусской столице. Киев довольно быстро оправился от последствий погрома²⁵. А устранение Глеба Юрьевича восстановило партийную диархию местной боярско-патрицианской олигархии. Новый этап в истории партийной борьбы за великокняжеский престол начался в 1171 г. и продолжался до 1203 г. Но обоих претендентов на лидерство — и Мстислава Изяславича, и Ростислава Мстиславича — к этому времени уже не было в живых. Первый умер в 1170 г., готовясь в поход для возвращения Киева²⁶, второй скончался еще раньше, в 1168 г., когда на киевском столе сидел Мстислав²⁷. Действующими лицами на сей раз были представители смоленского дома — Роман и Рюрик Ростиславичи, сменившие, надо думать, своего отца в роли партийного лидера, и Святослав Всеволодович из черниговского дома. Хронологическая динамика третьего периода выглядит таким образом:

- 1171 — Роман Ростиславич
- 1172—1174 — Рюрик Ростиславич
- 1174 — Святослав Всеволодович
- 1174—1176 — Роман Ростиславич
- 1176—1180 — Святослав Всеволодович
- 1180—1181 — Рюрик Ростиславич

1181—1194 — Святослав Всеволодович

1194—1203 — Рюрик Ростиславич

В 1203 г. великим князем стал Роман Мстиславич из волынской династии, который к тому времени сосредоточил в своих руках два крупных удела — Волынь и Галичину²⁸ и стал недосягаем для других претендентов. Есть основания полагать, что его приход к верховной власти не был санкционирован киевской элитой и что новый суверен, прославленный решительной и беспощадной борьбой против собственного боярства²⁹, не склонен был искать поддержки киевских нобилей. Другое дело патрициат, который всегда готов был ориентироваться на сильную центральную власть.

Отсюда начинается принципиально новый этап в развитии междоусобного состязания за киевский престол, чрезвычайно усложнившегося вследствие действия ряда других социальных факторов.

«Маятниковый» характер великокняжеской чехарды адекватно отражает партийную борьбу киевского боярства и патрициата. В парном распределении претендентов видим концентрированное воспроизведение двух крупных группировок, из которых каждая имела формального кандидата на великокняжеский престол, рассчитывая на послушное исполнение им заранее определенных политических установок и директив.

Ставленником одной из партий в течение второй половины XII в. были: Изяслав Мстиславич, Изяслав Давыдович, Мстислав Изяславич, Святослав Всеволодович. Другая партия соответственно поддерживала Юрия Владимировича, Ростислава Мстиславича, его сыновей — Романа и Рюрика. Эта группировка с большим пиететом относилась к Андрею Боголюбскому (сыну Юрия) и стремилась найти с ним общий язык, хотя, надо признать, это не всегда ей удавалось. Не вполне ясной, в частности, выглядит позиция Романа Ростиславича, который мало интересовался политикой и военными делами, предпочитая увлечение книжностью и просвещением³⁰. Его вступле-

ние на великокняжеский престол состоялось в условиях острой антисузальской кампании, увенчавшейся демонстративным унижением полномочного суздальского посла³¹, справедливо расцененным как дерзкий вызов Андрею. Эта акция, как известно, вызвала вторую антикиевскую коалицию, наскоро сбитую создальским князем и завершившуюся скандальным провалом³². Теоретически Роман был репрезентантом просузальской группировки, стремившейся к альянсу с амбициозным владимирским князем, но в конфликте 1171—1174 гг. именно смоленские Ростжславичи играли первую роль.

Итак, можно утверждать, что значение киевской боярско-патрицианской олигархии в политической борьбе второй половины XII в. было весомым и в ряде случаев решающим. Оно отражало существенные сдвиги в состоянии древнерусского общества, которые неминуемо должны были привести к возникновению новых тенденций в сфере политической жизни страны. Одна из этих тенденций вызревала в городах и отражала подъем социального веса ремесленно-торговой и финансовой верхушки. Эта тенденция нашла свое выражение в победе (правда, кратковременной) Киевской сеньории, которая попыталась повторить в несколько иной форме новгородский эксперимент 1136 г.

В 1180—1181 гг. возник вооруженный конфликт между двумя тогдашними претендентами на киевский престол — Святославом Всеволодовичем и Рюриком Ростиславичем³³. Военная удача способствовала последнему и, казалось бы, великокняжеский титул должен был остаться за ним. Но случилось иначе. Победитель, «розмыслив с людьми своими» (то есть с той частью киевской элиты, ставленником которой он был), «добровольно» отказался от Киева, заключивши со Святославом договор о совместном управлении государством. Этот двуумвират, интриговавший историков³⁴, был, конечно, результатом компромисса, достигнутого обеими противоборствующими партиями. Реальный сене его заключался в том, что оба претендента фактически были отстра-

нены от власти и, по примеру новгородского князя, выселены за пределы города — Святослав на так называемый Новый двор, расположенный в районе Копыревого конца, вне стен Киевского детинца, а Рюрик — еще дальше, в Белгород, за 20 верст от столицы. Реальная власть перешла к представительному органу боярско-патрицианской олигархии, условно именуемому «Киевской сеньорией». Вещественным памятником ее, вероятно, является построенная на рубеже XII и XIII вв. ротонда, остатки которой исследованы археологами³⁵. В 1194 г. умер Святослав Всеволодович³⁶, а его соправитель и соперник Рюрик Ростиславич в 1203 г. был насильственно лишен власти Романом Мстиславичем³⁷. Киевская сеньория прекратила свое существование.

¹ *Очерки истории СССР. IX—XIII вв.*— М., 1953.— С. 267—475; *Краткая история СССР*— М.; Л., 1963.— Т. 1.— С. 53; *История СССР с древнейших времен до наших дней.*— М., 1966.— Т. 1.— С. 573—639; *Історія Української РСР*— К., 1967.— Т. 1. С. 85—113; *Історія Української РСР*— К., 1977.— Т. 1.— С. 331—383; *Гуслистий К., Ястрєбов Ф.* Київська Русь і феодальні князівства XII—XIII ст. // *Нариси а історії України.*— 1939.— Вин. 1.— С. 109—138; *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства.— М., 1949.— С. 143; *Греков В. Д.* Киевская Русь.— 1953.— С. 505—515; *Маєрдин В. В.* Очерки истории СССР. Древнерусское государство.— М., 1956.— С. 177—221; *Рыбаков В. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— М., 1982.— С. 469—589.

² *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен.— М., 1959.— Т. 1.— С. 528; *Ключевский В. О.* Курс русской истории.— М., 1956.— Т. 1.— Ч. 1; *Грушевський М. С.* Історія України — Русі.— Львів. 1905.— Т. 2.— С. 126; *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории.— Спб., 1910.— С. 100—107; *Греков В. Д.* Политическая и куаьгурно-историческая роль Киева.— М., 1944; *Маєрдин В. В.* Основные этапы этнического развития русского народа // *ВИ.*— 1950.— № 4.— С. 63; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства.— М., 1951.— С. 24; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города.— М., 1956.— С. 293; *Рыбаков В. А.* Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII в. // *ВИ.*— 1962.— № 4; *Рыбаков Б. А.* Первые века русской истории.— М., 1964.— С. 147; *Черепнин Л. В.* Пути и формы политического развития русских земель XII—начала XIII вв. // *Польша и Русь.*— М., 1974; *Пауцто В. Г.* Черты политического строя древней Руси // *Древнерусское государство и его международное значение.*— М., 1965.— С. 74; *Пауцто В. Т.* Исто-

рическое значение периода феодальной раздробленности на Руси // *Польша и Русь.*— М., 1974.

³ *Довженко В. И.* К вопросу о сложении древнерусской народности // Доклады VI научной конференции ИА АН УССР.— К., 1953.— С. 52—57; *Его же.* Київська Русь у другій половині XI — першій половині XIII ст. // *Нариси стародавньої історії Української РСР.*— К., 1957; *Его же.* Про древнеруську державність в період феодальної роздробленості // *Археологія.*— 1957.— Т. 10.— *Его же.* Київ — центр Русі в період феодальної роздробленості // *УДЖ.*— 1959.— № 6; *Довженко В. И., Толочко П. П.* Киев и Южная Русь в эпоху феодальной раздробленности // *Тези пленарних і секційних доповідей.*— Одеса, 1972.

⁴ *Толочко П. П.* Політичне становище Києва в період феодальної роздрібленості // *УДЖ.*— 1966.— № 10; *Его же.* Історична топографія стародавнього Києва.— К., 1970.— С. 175—194; *Его же.* Киев и Южная Русь в период феодальной раздробленности // *Польша и Русь.*— М., 1974; *Его же.* Этническое и государственное развитие Руси XII—XIII вв. // *ВИ.*— 1974.— № 2; *Его же.* Русь у період феодальної роздрібленості (XII — перша половина XIII ст.) // *Історія Української РСР.*— К., 1977.— Т. 1.— С. 331—334; *Его же.* Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв.— К., 1980; *Его же.* Древний Киев.— К., 1983.— С. 254.

⁵ В. А. Рыбаков считает даже, что следует говорить не о «полугосударствах», а о суверенных княжествах-королевствах (*Рыбаков В. А.* Первые века...— С. 147—157; *Его же** Киевская Русь и русские княжества.— С. 470).

⁶ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города.— С. 193; *Пауцто В. Т.* Историческое значение...— С. 13; *Рыбаков В. А.* Политические идеи русских летописцев XII в. // *Польша и Русь.*— М., 1974.— С. 19—20; *Черепнин Л. В.* Пути и формы политического развития русских земель XII—начала XIII вв. // *Польша и Русь.*— М., 1974.— С. 26—29.

⁷ *Греков Б. Д.* Революция в Новгороде Великом в XII в. // *Уч. зап. Института истории Р АНИОН.*— 1929.— Т. 4; *Янин В. Л.* Проблема социальной организации Новгородской республики // *История СССР.*— 1970.— № 1; *Тихомиров М. П.* Крестьянские и городские восстания на Руси. XI—XIII вв.— М., 1955.— С. 189—199.

⁸ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.*— М.; Л., 1950.— С. 209.

⁹ *Рыбаков Б. А.* Политические идеи...— С. 18—20.

¹⁰ Дошел до нас в составе Новгородской первой летописи (см.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение.— М.; Л., 1947.— С. 441; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи.— М., 1963.— С. 248—254); *Почуение Вл. Мономаха (Орлов А. С. Владимир Мономах—С. 127—151).*

¹¹ Например, в 1146—1147 г. См.: *Ипатьев-*

екая летопись // ПСРЛ.— М., 1962.— Т. 2.— С. 321.

¹² *Рошков Н. А.* Из русской истории // Очерки и статьи.— Пгр.— 1923.— Т. 1; *Его же.* Русская история в сравнительно историческом освещении.— М.; Л., 1928.— Т. 2.— С. 346—349.

¹³ *Ипатьевская летопись.*— С. 324—325.

¹⁴ «После смерти Владимира Мономаха в Киеве установился порядок, при котором князья заключали «ряд» с горожанами, наподобие позднейших договоров Новгорода с великими князьями» (*Тихомиров М. Н.* Древнерусские города.— С. 200).

¹⁵ *Ипатьевская летопись.*— С. 324—327.

¹⁶ Юрий Владимирович считал свои претензии более предпочтительными, так как был младшим сыном Мономаха и, следовательно, дядей Изяслава.

¹⁷ *Ипатьевская летопись.*— С. 468—469.

¹⁸ *Там же.*— С. 469.

¹⁹ *Там же.*— С. 489.

²⁰ В. Н. Татищев, характеризуя Мстислава, отмечает его «мужество во брани», храбрость, любовь к правде, готовность к расправе и порядку, к правосудию, прилежность в делах» (*Татищев В. Н.* История российская.— М.; Л., 1964.— Т. 3.— С. 95—96). По словам Б. А. Рыбакова, «крутой в решительный» Мстислав «был, несомненно, первой фигурой среди русских князей» (*Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники.— М., 1971.— С. 137—138).

²¹ *Ипатьевская летопись.*— С. 534

²² *Татищев В. Н.* История российская.— Т. 3.— С. 44.

²³ *Ипатьевская летопись.*— С. 545.

²⁴ *Там же.*— С. 563—564.

²⁵ *Рыбаков В. А.* Киевская Русь и русские княжества...— С. 493; *Толочко П. П.* Киев и Южная Русь...— С. 231—233.

²⁶ *Ипатьевская летопись.*— С. 559.

²⁷ *Там же.*— С. 532.

²⁸ *Крипякевич И. П.* Галицко-Волинське князівство.— К., 1984.— С. 83—87.

²⁹ *Грушевський М. С.* Історія України — Русі.— Львів, 1905.— Т. 3.— С. 13. *Крипякевич И. П.* Галицко-Волинське князівство.— С. 84—85.

³⁰ *Татищев В. Н.* История российская.— Т. 3.— С. 123-124.

³¹ *Ипатьевская летопись.*— С. 568.

³² Киевский летописец писал про Андрееву армаду («множеству вой не бяше числа») : «Пришли бо (к Киеву.— М. В.) бяху высокомыслаше, а смиренни отидоша в дома своя» (*Ипатьевская летопись.*— С. 577—578).

³³ *Ипатьевская летопись.*— С. 614—624.

³⁴ *Рыбаков В. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники.— С. 88, 155—156.

³⁵ *Баронський Я. в., Толочко П. П.* Київська ротонда // Археологія Києва (дослідження і матеріали).— К., 1979,

³⁶ *Ипатьевская летопись.*— С. 680—681.

³⁷ *Лаврентьевская летопись* // ПСРЛ.— М., 1962.— Т. 1.— С. 417—418,